

*В.В. Домогацкий
(1909–1986)*

«Ни распутья, ни камня не было...»

Стихи последних лет

Владимир Владимирович Домогацкий родился 12 (25) октября 1909 года в семье скульптора Владимира Николаевич Домогацкого. В 1927 году, окончив школу, поступил в студию П.Я. Павлинова на Остоженке, в 1928 – во ВХУТЕИИ. В 1932 году перешел на графический факультет Полиграфического института, который окончил в 1938 по мастерской В.А. Фаворского. С этого времени работал как книжный иллюстратор, в основном в технике торцовой гравюры на дереве (иллюстрации к произведениям И.С. Тургенева, Г.-Х. Андерсена, Ш. Перро и др.).

Автор воспоминаний «Кладовка: Попытка консервации» (избранные главы: Новый мир. 1992. № 3. С. 31–101; полностью: Руины старого дома. М.: Русский путь, 2009). Еще одной формой диалога с прошлым и еще одной «попыткой консервации» стали для него стихи, которые он начал писать на рубеже 1970-х – 1980-х годов, после смерти жены, скульптора Ольги Артемьевны Домогацкой. Тексты публикуются впервые.

От мест заколдованных и заветных
Откровений не жду уж давно;
Там стены молчаньем одеты
И онемевшее пусто окно.

Знаю я, в двери земные стучаться,
Стучи не стучи, не понять, не узнать.
Грешникам нечего добиваться
Того, о чем слово бессильно сказать.

Как камень на камень ложились,
Как построилось то, что есть.
Просто там за меня молились
Так же, как молятся и поднесь.

Ты не считай часов и дней:
Пришли, прошли, и слава Богу.
Не слишком прошлые жaley,
От будущих не требуй много.

Они придут и тоже канут,
Пополнят очень длинный ряд.
Они, как прошлые, обманут,
Как нынешние, оскорбят.

Умей принять и то, и это.
Вся наша жизнь в едином слитке:
В нем отблеск золотого света
И ржавчины с переизбытком.

Тащи телегу с кирпичом.
Отбудешь срок – настанет чудо.
Твоим же собственным ключом
Дверь отпрут, и марш отсюда.

Четыре стены
Да дырка окна.
В ней капель весны,
Это и есть моя весна.

А за что, знает Бог
Да немного аз грешный,
Кого ты на земле сберег
До поры этой вешней.

Ни распутья, ни камня не было,
Даже далее и тех не видал.
Уж какая там правая, средняя, левая,
Просто начал куда-то шагать и шагал.

Сквозь заботу, беду, неудачу
Шел и не думал дороги искать.
Даже не с чего было сворачивать,
Видно, дело мое шагать.

Если ж там, у конца пути,
Нужно о пройденном рассказать,
Что хорошего сделал, – скажу: «Прости,
Торопился к Тебе дошагать».

*«Когда боги хотят наказать нас,
То они исполняют наши молитвы»
О. Уайльд*

Ведь они очень странно сбываются –
Жалкий плод твоей головы.
Вдруг к тебе заявляются,
Говорят: «Ты ведь звал, вот и мы».

Звать-то звал, да только не тех,
Я не думал вас видеть такими.
Таковыми вы созданы словно на смех
Над нелепыми снами моими.

Я просто курил и мечтал –
Ведь многие этим балуются.
Вас тенями слегка намечал,
Остальное, дескать, потом дорисуется.

На деле же так не выходит:
Дорисовывать – не пустяк.
Но хорошее к нам приходит
Без всяких задумок, а просто так.

Озеро

Откроется меж сосняка
Средь веток белым блеском.
Вот здесь сверкнет наверняка,
А дальше скроется за лесом.

И все ж останется со мной
Бесценнейшим ангаром,
В котором счастье с мечтой
Черпаю я задаром.

В озерной этой белизне,
В нежданности ее просвета
Летит из прошлого ко мне
Неповторимый образ лета.

За плечи хватают засохшие листья,
За ушами ржавчина шелестит.
Рябина расклеванной кистью
Того и гляди что по лбу угодит.

Воздух прозрачен и ясен.
Мне уж пора восвояси.
Буду дело свое продолжать
Как могу и как Бог поможет.

Будет жизнь напирать и меня выпирать,
Для меня же и это не ново тоже.
Оттого и сбегая в мечты,
Что я с жизнью совсем не на ты.

Я ненужный и лишний сосед,
К тому же живущий как крот.
Потому-то и слышу вослед:
«Ты народ, да не тот».

Не заметят, но это пустяк.
Молча пройдут, не смотря.
Или бросят в ладонь медяк,
Подаяньем его серебря.

Все мы у Бога просители,
Милостыней живем.
Побежденные и победители,
Просим, надеемся, ждем.

Оттолкнут, ну и что же?
Разве я лезу вперед?
Я прошу подаяния, Боже,
От твоих от великих щедрот.

Может, и правда я старый,
Мутно вижу земную явь.
Может, дни прожигая задаром,
Только прости и меня не оставь.

Нас растащат по бусинкам,
Объективами нас исказят,
Нам по памяти нарисуют усики,
Размалюют бесстыдно глаза.

Наконец-то мы станем приемлемы –
Хоть сейчас в огород.
Щеголяем в бессмертии мы,
Занимая народ.

Приуменьшены, увеличены,
Чужой глупостью обеднены
В косноязычии
Отлитые сны.

Поаккуратнее, поприличней
Дни отсчитанные домотать
И не на койке чужой, больничной
Господу душу свою отдать.

Суетно это, конечно.
Перед грядущим – вообще пустяк.
Мелко, убого и грешно, –
Но это действительно так.

Я там найду подъезды, стены,
Неповторимый воздух лестниц,
Чудовищные перемены
Моих неузнанных ровесниц.

Чужие тени на стенах,
Спешащее куда-то племя,
Чужое солнце во дворах
И вовсе чуждое мне время.

И все ж бреду, чужой для всех,
Гонюсь за собственной тенью
Без всякого расчета на успех,
Ведь все здесь смыто по течению.

Что я ищу, на кладбищах лежит
Средь сорняков воспоминаний,
Но и по ним не пробежит
Прошедшей жизни содроганье.

Старая усадьба близ Арбата,
Скособоченный охристый дом,
Вельмож отставные палаты,
Пережитых веков бурелом.

Этот дом в старину навещали цари
И те, о ком память недостоверна;
Здесь порою гитара в саду до зари
Напевала о брошенных и неверных.
И вторили ей в кущах лип соловьи
Под луной без расчета и меры.

Там в саду меж корявых стволов
Хороводы чугуновых жеманниц;
Флигеля, пустыри и понятный без слов
Красоток облупленных танец.

Мы трагичность истории там проглядели,
Потому что росли среди этих обломков.
Повзрослев, как могли, как умели,
Сохраняли их, в память закомкав.
И живет эта память, держась еле-еле,
Лишь в нас – худородных потомках.

Осенью солнце ласково
Ложится на стены домов,
Рисует ярчайшими красками
Узор из кривых косяков.

Заглянет в арбатский дворик,
Листья опавшие запалив,
А зашедший шарманщик повторит
Вальса истертый до дырок мотив.

Как мне вернуть из пропасти
То, что уже незапамятно?
Как рассказать об убогой кротости
Той моей белокаменной?

Как мне добыть из прошлого
Старика и его шарманку
И под вальсик пошлее пошлого
Танцующую обезьянку?

В новогоднюю ночь метелица
По пустеющим улицам стелется.
Хорошо ей навстречу шагать,
Чтобы час новогодний встречать.
Может, жизнь впереди,
Может, нам по пути.

Впрочем, все это было давным-давно
И камнем ушло на дно.

Ныне я дома как сыч сижу,
На снежную ночь из окна гляжу.
Выше труб все вокруг занесло.
Мне и вправду, пожалуй, свезло,
Не шагать в этой снежной каше,
А глядеть лишь в окно мое
В Рождество Твое,
Христе Боже наш.

Словно всполох света,
Ты ко мне войдешь,
Безымянного привета
Радость принесешь.

Кто придет твоей посланницей,
Мне не угадать,
Но в любом обличье, странница,
Жду тебя опять.

Жду тебя, как нищий,
Жду из часа в час.
Ты меня разыщешь
И на этот раз.

Велико твое право небо коптить,
Не спросясь никого, шепотком говорить.
Ты рисуешь и пишешь круги на воде, —
Да чего еще надо от жизни тебе?
Голос твой хриплый, рука нетверда, —
Куда же ты лезешь нахально тогда?
Может быть, есть в тебе что-то такое,
Что недостатки твои перекроет?
Вряд ли это вообще сознается,
Ведь долбишь и долбежку множишь.

Так «сочувствие» нам не дается,
Все ж долби и долби, и, кто знает, может...
Хоть это почти немислимо,
Палка возьмет и выстрелит.

Я забился в нору –
Здесь уютно, но голодно.
Ну а там, на ветру,
Очень уж холодно.
Я сижу и пишу,
В прошлом света ищу,
Что запомнился смолоду.

Я отвык вылезать
В человеческий простор.
Видно, надо опять
Удирать, словно вор.
Прогрызаю дыру,
Лезу глубже в нору
И веду сам с собой разговор.

Вокруг темнота, тишина, –
Вот какой ты пришла, весна.

Ромбы теней, свет свечи.
Я опять на террасе один в ночи.

И опять, как всегда, здравствуй, грусть,
Коль нельзя без тебя, ладно, пусть.
Как-нибудь и с тобой сживусь.

Вот я снова в тухлявой избушке.
Лес за окном равнодушно шумит.
Ночь. При свете все тот же Пушкин
На знакомой странице открыт.

А там, за лесами и весями,
За полетом ночных поездов –
Горы, бегущие в поднебесие,
Суматоха чужих городов.

Кто-то курит сейчас на площадке вагона,
Вьется по воздуху дымная нить.
Но скроена жизнь по иному шаблону –
Я не был нигде и нигде мне не быть.

Ничего, обойдусь, пусть мечты помаячат,
Здесьнего мира мне хватит с лихвой.
А вечером печка с глазами чертячьими
Слижет, проглотит строфу за строфой.

День Владимира Святого
Лета грустный перевал,
В нем обещанное слово
Год почти что досказал.

Зацветают лип куртины,
И звенит над ними рой.
Значит, лета именины
Значит, праздник мой и твой.

Солнца всполох на лужайках,
Полусвет густых аллей
И звенящих пташек стайки
В хлебном золоте полей.

Облака под парусами
Держат путь на небосклон,
А в деревне за лугами
Колокольный перезвон.

Знаю, что Фет
Весь насквозь перепет.
Ладно, не буду
Из пустого в порожнее.
Я и без слов не забуду
То, доострожное.

На вечерних платформах бродят и ждут.
Этот сброд, этот люд одинаков всегда:
Матерщият, плюют и из горлышка пьют,
А по рельсам летят то туда, то сюда поезда.

И ритмично гремят, и стучат, и грохочут,
Ночь сверканием окон одарят тогда.
Не спросив темноту, разорвут ее в клочья –
Сквозь ослепнувший мир пролетят поезда.

Словно мощные, ловкие, цепкие звери,
По лесам, по полям, по мостам через воду,
Километры десятками, тыщами смерив,
Из неволи несутся они на свободу.

Кто там в ночной черноте,
В зарослях всякой всячины,
В черней черного темноте
От страха кричит наудачу?

Крик истошный в ночи
Не поможет тебе, не кричи.
Ничего-то ты так не излечишь,
Только груз себе взвалишь на плечи.

Вопли той птицы ночной
Одиноко и страшно пролают
И поглотятся тишиной,
Никого и ничем не пугая.

Мне тревожный привиделся сон –
То ли плач, то ли крик, то ли стон...

Страшно предсмертное время
И чем-то влечет к себе.
Оно, пригорюнившись, дремлет,
Избывая горькое бремя
И готовясь к другой судьбе.

Лес ободран, как нищий,
В облинялых лохмотьях стоит.
В нем никто не поет и никто не засвищет,
Только белки по веткам рыщут
Да с перепугу сова закричит.

Ветки небо сетями метят,
Облетелые, черные лезут наружу.
А под вечер пожаром залепит
И трагически небо осветит
Через черное это кружево.

Грозы ходят вокруг да около,
Тарарахают здесь и там.
Избушка моя насквозь промокла,
Печка греет с грехом пополам.

Дом совсем сорняками зарос,
Подпол давно облюбован ежами.
В доме живет со мной черный пес
С большими, как крылья, ушами.

Тяжкие тучи все ниже и ниже.
За окном и мокро, и муруго.
Ну, садись же ко мне поближе,
Может, согреем друг друга.

Холод на старости лет нестерпим,
Для меня он могилою пахнет.
Давай у окошка с тобой посидим
И залаем, как гром тарарахнет.

Моя родословная

Надписи стертые
На земле и камнях,
Вы живете и мертвые,
Составляя меня.

Я такой или эдакий,
Меченный вами,
С теми ж приметамы,
Но с иными делами.

В кровавой рубахе
Красавец-палач.
Вокруг охи и ахи,
Гогот, хохот и плач.

Он сегодня с толпой
Балаганит над прахом.
Он с моей головой,
Отсеченной на плахе.

И, подняв за вихры,
Залихватски и молодо
Матерщиною крыл
Отсеченную голову.

Отгулял имярек,
Своевольно любя.
Стал другим поперек –
И пеняй на себя.

В этом ли поле
Запорожской сечи,
Где звенели на воле
Мечи о мечи,

Я веду свою конницу –
Чубатую рать
За какую-то вольницу
Там умирать.

Мы рубимся истово,
Искривленный мой меч
Оглашает присвистом
Запорожскую сечь.

Воины, воины, воины –
Многоголовая рать.
Столетия их кровью опоены,
А за что – не узнать.

И снова под охи и ахи
Потомки воителей
Постригались в монахи,
Затворялись в обители.

В качестве новом,
Издравле замысленном,
В отречение суровом
К святым сопричислены.

Пудренные вельможи
Все из этой же серии,
Вы мечом приумножили
Пределы империи.

С запада натаскали,
Что стоило и не стоило.
В глухоманях верселей
Вы понастроили.

И снова я, ветром опоен,
Под шорох знамен
Веду, романтический воин,
На рысях эскадрон.

С бонапартовым воинством
Мы скрестим палаши,
Защищая достоинство
Нашей русской души.

Мои деды-воители снова
Не мечами, а перьями
Сотрясали основы
Российской империи.

Вспоминать вас глумливо
Теперь-то просто.
Вы были наивны на диво
И на диво не взрослые.

Ныне храмы поломаны
Ваши надгробья расхищены.
Вы стали бездомными,
Позабывшими, нищими.

Ваши кости повсюду рассыпаны,
С глиной смешано тело,
А душа неусыпно
Назло всем не старела.

Эту частицу Божью
Вы для меня сберегли,
В непогоду, по бездорожью
Душу свою пронесли.

И в иной ипостаси
Сторожу камелек.
Пусть ничто не загасит
Мой уголек.

Видно, судьбой удостоен
Быть всему поперек.
Я по рождению – воин.
Я завещанное берег.

Чудо это, что ли,
Или в самом деле,
Как сугробы в поле,
Крыши побелели.

Город словно вымыт,
Заметен метелью,
Застлан белым дымом
Снежной канители.

Спит под этой шубой,
Спит веселым сном.
Лишь чернеют трубы
Под моим окном.

Нет березы Фета,
Инея на ней,
И не мной пропета
Прелесть этих дней.

Кошмар наяву

Все актеры и в гриме, и в масках
Шпарят тексты в наполненный зал.
Я один в пиджачишке, напыленном наспех,
Перед черною пропастью что-то шептал.

Просто втолкнули меня на эстраду
И не спросили, что рад иль не рад.
Вот и торчу здесь без склада и лада,
Шепчу, лепечу про свое невпопад.

Что-то вопят исступленно герои,
Глазами вращает инженеру драматик.
Я же сбоку припека, вниманья не стою,
Я здесь случайный убогий старик.

Все, все проходит понемногу,
И нашим планам и мечтам
Давно пора делить дорогу
С суровой жизнью пополам.

А дальше не успеешь ахнуть,
Как вся дорога занята,
И только у обочин чахнет
Полузавядшая мечта.

Ну где ей, блеклой и убогой,
Затерянной в людской пустыне,
Средь суеты большой дороги
И мира горестной твердыни.

В небе ночном
Высоко за окном
В черном узоре
Звезда на дозоре.

Листву прорывала,
Спешила ко мне,
Меня разыскала
В верном окне.

Вот я весь на ладони
В своем углу.
Взойдет, не обронит
Ни хулу, ни хвалу.

Мы уставились взглядом,
Глядим в упор,
Часовой мой рядом
Встал на дозор.

Мерцает, дрожит.
Лежу и молчу.
Зря сторожит –
Удирать не хочу.

Так летами глядим,
Так летами молчим,
Но, пошарив потом
За знакомым окном,
Освещаая вечернюю мглу,
Не найдешь ты меня в углу.

Творчество

То, что есть, чего нет, соберет,
Вместе с душою твоей перетрет,

Пилит, заставляет, нудит и толкает,
Водит кругами, торопит, пихает.

Осядет в тебе, и его не прогнать –
Его надо сказать и кому-то отдать.

Им полны апрели и октябри,
Ну же, протягивай руку, бери.

Бери и не бойся, на все наплюй,
Можешь, не можешь – валяй, колдуй.

Стены станут полями, туманами,
Ночи и дни обернутся обманами,

В воде отразится осколком луна,
Тень от деревьев достанет до дна.

Дома не видно в лесной темноте,
Свеча, как звезда, неизвестно где.

Все, что было, пролетело,
Расставаться уж пора,
Все сегодня, то и дело
Превращалось во вчера.

Словно в электричке
У окна торчать –
Не успеешь по табличке
Остановки прочитать,
Но без надписей отлично
Знаю – скоро мне слезать.

Уж немеют руки на штурвале,
Трудно стало, старый капитан,
Ночь и день в немислимые дали
Прорезать гигантский океан.

Так спустись же в светлую каюту,
Ляг на койку, растянись, усни,
И о жизни, пролетевшей, как минута,
Без тоски и боли вспомяни.

Все прошло, как дальний берег суши,
Как волна, поверхность бороздя.
На земле ты никому давно не нужен,
Океаны обойдутся без тебя.

Может, лекарства помогут,
Может, стирать научусь,
Может быть, я понемногу
К жизни обычной вернусь.

И будни в окно постучатся
Заснеженной и белой Москвой.
Блеклое солнце начнет улыбаться
Над посеревшей моей головой.

Может, холст или доски задышат
Под моею неловкой рукой,
И, коль сvezет, то услышу
То, что звучит тишиной.

Июньское утро 1938 года

С поезда, с грохота, через поселок,
По обочине старых аллей
В раннее утро июня веселое
Выхожу на просторы полей.

Там травую, цветами и росами,
Некошеным лугом в далекий лес.
В раннего утра разноголосие
Под сияющий купол спокойных небес.

Хорошо мне, руками размахивая,
Бездумно под ними шагается,
Росу с придорожных листов отряхивая,
В даль, туда, где леса поднимаются.

А дойдя, в эту синь окунусь,
В эту рань и лесные тревоги,
И верую я, что когда-то проснусь
Пешеходом на этой дороге.

Что опять в безлюдье утра
По огромному этому полю
Зашагаю совсем как тогда,
Но теперь уж к Тебе, на волю.

Публикация Е. Г. Домогацкой